

ИГОРЬ КИРИЛЛОВ:

Без преувеличения: его знали абсолютно все. Каждый вечер многомиллионная страна садилась у телевизора, видела почти родные лица, слышала бесконечно знакомые голоса Кириллова и его соведущей: «Добрый вечер! — Здравствуйте, товарищи!» Он вел программу «Время» ровно 30 лет. А всего проработал на телевидении 45. Эту дату он считает куда важнее своего «календарного» юбилея. И все же: диктору-эпохе — 70.

Наталья СКЛЯРОВА

— Ох уж эти юбилеи... Никогда не испытывал к себе такого внимания, как в этом году. Лучший юбилей был двадцать лет назад: посидели спокойно с коллегами, потом дома. Была ветчина, жена испекла пироги с капустой и с мясом. И не было ни одного интервью.

— Игорь Леонидович, одна телеведущая в ответ на вопрос, не скучно ли изо дня в день читать новости, сказала, что новостная передача — это сидение на пороховой бочке. Вы с ней согласны?

— Для меня работа пороховой бочкой не была. У нас работали исключительно профессионалы, но и скучно тоже не было. Каждый день случались неожиданности, приходилось импровизировать...

— В самом деле? А как же цензура?

— Знаете, легенды о цензуре сильно преувеличены. Конечно, постановления ЦК КПСС нужно было зачитывать точно. Цензура была на военные тайны, на научно-технические ноу-хау. Но то, что за малейшую провинность можно было вылететь с работы, — это ерунда. Помню, в 1964 году редактор «Новостей» (программы «Время» тогда еще не было), человек с гигантским опытом работы и очень талантливый пригласил на передачу Евгения Евтушенко. Тогда постоянно приглашали поэтов и писателей, они читали свои новые творения. А в тот день как раз сняли с должности Хрущева, и Евтушенко про-

читал стихотворение «Качка». Руководство увидело прямую ассоциацию: качка на море — качка во власти. Редактора отстранили от работы на месяц. Но потом все равно вернули, учитывая его прежние заслуги... А мне, например, постоянно приходилось придумывать на ходу, чем занять эфир: помощник режиссера показывал растопырленную палочку — значит, остается пять минут эфирного времени. Разумеется, на политические темы говорить было нельзя, только о спорте, о погоде, о новых кинофильмах, спектаклях... Как-то раз я стал распространяться о погоде. Был жаркий июльский день — до 30 градусов, никаких облаков. Я решил, что завтра наверняка будет такой же. Говорил долго, убедительно. На следующее же утро на

Я НАОБЕЩАЛ ЖАРУ, А ПОТОМ ПРЯТАЛСЯ В ТРАМВАЕ

Досье «ВМ»

Игорь Кириллов. Родился в Москве 14 сентября 1932 года. Окончил ВГИК и Театральное училище им. Щепкина.

Играл в Театре на Таганке, с 1957 г. работает на телевидении — сначала как помощник режиссера музыкальной редакции, затем как диктор. С 1968 по 1991 г. — художественный руководитель дикторского отдела Главной редакции программ ЦТ. Ведущий информационных программ «Последние известия», «Новости», «Время». После ухода из программы «Время» в 1991 г. ведет программы «Взгляд», «Телескоп», «Экслибрис», «Голубой огонек».

Народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР.

Женат. Старшая дочь — музыкант, живет в Германии, преподает в консерватории. Сын — продюсер.

Век. Москва. — 2002. — 16 сент. — с. 4

Шаболовку двинулась огромная черная туча! Начался ливень, гром, гроза. Я ехал в трамвае домой, народу много, все мокрые, без зонтов. И все кляли диктора Кириллова на чем свет стоит. Я сжался в комочек и изо всех сил смотрел в окно, пряча лицо.

— Вы нервничали перед эфиром?

— До сих пор нервничаю. С опытом это не проходит, скорее наоборот. Потому что не хочется опускаться ниже той планки, по которой тебя помнят. Но волнение проходит буквально после первых же минут, когда сосредоточиваешься на материале и забываешь о собственных эмоциях.

— Вы рекомендовали на роль дикторов таких известных сейчас телеведущих, как Жанна Агалакова и Екатерина Андреева...

— Катя была моей ученицей в Институте повышения квалификации, и ее приняли в отдел дикторов. Она очень старалась, и я сразу обратил на нее внимание. А с Жанной Агалаковой мы встретились на втором канале, в программе «Деловая Россия». Я предложил попробовать перевести ее из корреспондентов на место ведущей. Дело в том, что меня очень заинтересовал ее фото-портрет, который сделал наш старый оператор, — портрет на фоне какого-то готического городка. Я подумал, что это какая-то литовка или латышка. И услышал: «Да нет, вон она сидит». Конечно, прическа была другая и смотрелась Жанна совсем иначе, но она быстро вошла в нужное

русло (а ведь с экономическими новостями работать гораздо сложнее, чем с политическими). К тому же у нее была возможность учиться «без отрыва от производства»: заканчивался эфир, мы вместе разбирали ошибки, и с учетом всех замечаний она вела следующий выпуск. К сожалению, сейчас такого контроля нет, институт дикторов распался, и многие ведущие перестают повышать свой уровень. Раньше подобного бы не допустили, конкурс на место диктора был огромным, особенно на первый и второй каналы.

— А у вас, когда вы «шли в дикторы», было много конкурентов?

— Не так уж много, человек двадцать. А в 80-е годы уже, бывало, приходили полторы тысячи человек, из них нужно было отобрать двух-трех. Комиссия состояла из членов тринадцати главных редакций Центрального телевидения, решающее слово оставалось за председателем Гостелерадио. Но и после того как отбирали человека, полагался испытательный срок: для журналистов полгода, для дикторов год.

— Жена вам делала «замечания»?

— Она профессиональный звукорежиссер и всегда критиковала меня жестче всех. К тому же мы знакомы практически с детства, поженились очень рано. В следующем году будет 50 лет... Жалко, надо было на год раньше пожениться, тогда бы все в один год можно было бы отметить.